

В глуши без автомобиля не живую. Автомобиль — инструмент быта рядового горожанина: перевезти вещи-соленья на дачу или квартиру, съездить компанией на озёра или по грибы, просто вечером погонять по улицам — для всего нужен железный конь. Минимум — один в семье с бабушками-дедушками, но обычно больше. Несмотря на то, что едва ли не каждый молодой абаканец сидит за рулём, пробок в городе не бывает. Лёгкие заторы в десять машин перед светофором появились не так давно, но автолюбители гордятся ими, как необходимым атрибутом мегаполиса. Заторы позволяют глотнуть эффектной столичной жизни, не подъезжая ко МКАДу, они оживляют застарелые отношения с дорожными правилами и выдыхают в них крепкий аромат выхлопного газа.

Через год после переезда из Норильска на материк Вариному отцу стало ясно, что надо сдавать на права. Он поступил на курсы, вы зубрил правила, купил пособий, которые валялись по всему дому, и тогда Варя тоже выучила дорожные знаки. Экзамен отец сдавал шесть раз. Теорию отвечал неплохо, а вот с вождением не заладилось — он боялся машины, и та платила ему издёвками: подменяла тормоз газом, глохла на оживлённом перекрёстке, отказывалась ехать в гору, а про задний ход и говорить не стоит. Отец рвал и метал и винил инструкторов с гаишниками во всех грехах.

На какой-то очередной раз стало ясно, что придётся подмазать, местный родственник дядя Толя поднял старые связи, и лишь тогда отцу выдали долгожданное удостоверение автомобилиста. Теперь можно было ежедневно ездить на дачу или в лес по грибы и веники. Отдыха отец не признавал и считал, что все должны задохнуться работой наравне с ним. Невинное желание искупаться в озере осуждалось как предательство и каралось трудовыми исправительными работами. И когда отец получил права, его рабочие мечты

нашлись жизненным соком. Дальнейшая жизнь виделась ему безоблачной, Варя — беспощадной. Единственным облегчением для девочки стало то, что теперь оказалось необязательным ночевать на дачном участке в маленьком душном контейнере, соседствуя с храпящим отцом и совершенно посторонним странноватым Дедом, живущим на участке в качестве сторожа, теперь можно было вставать ни свет ни заря и со всеми удобствами отправляться возвращать ненавистный огород.

Весной в командировку приезжала мама и сделала мужу шикарный подарок на пятидесятилетний юбилей: купила новенькую и дорогую тёмно-зелёную «Волгу», за ней родители ездили аж в соседний город. Ради подарка мама продала свои акции «Норильского никеля», а через год их цена взлетела так, что когда маму выжили с работы и отобрали жильё, которое предоставляло предприятие, отец смог на свои акции купить ей квартиру в Норильске. На пути маминой практичности всю жизнь стояла нетерпеливость и бездарная склонность к авантюрам, мешавшая жить не только ей, но и семье. На пути отцовской тяги к земледельчеству всегда стояло самомнение и барский размах. И оба родителя, отягчённые этими свойствами, пытались управлять Вариной жизнью, отчего она была готова сбежать на край света.

Вот и тогда прозорливый дядя Толя уговаривал маму не тратиться на хорошую машину, а для начала купить старый «жигулёнок», но мама настояла на своём: юбилей мужа, не хухры-мухры!

Отец подарок принял благосклонно, оформил машину по всем правилам, нарёк Марусей и стал разъезжать с видом заправского дальнбойщика. Он не вписывался в повороты, терялся в развязках, блуждал на загородных дорогах, ронял номера. Он не был приспособлен к автомобилю. Но твёрдо верил в свою счастливую судьбу, поскольку изрядно потратил на неё денег и времени.

Дядя Толя оказался прав, отец не умел оценить пафос «Волги» и перевозил в ней то дрова, то навоз.

— Купил красавицу говно возить, — показательно сокрушался отец, охаживая ладонью багажник.

И дровам и навозу полагалась доставка на дом, но в исконно польской крови играли в салочки дурь и самомнение.

Гаража у семьи не было, отец ставил машину под окнами, и некоторое время беспечность сходила ему с рук. Но однажды он забыл забрать панель магнитолы, и утром нашёл разбитое боковое окно и разграбленный салон. Заявление в милицию ни к чему не привело. После этого отец покатался на машине ещё с полгода, но без прежнего воодушевления, и окончательно охладел к красавице Марусе. Попытки продать машину не увенчались успехом, и он убрал её с глаз долой, запихнув в гараж на участке — грязный и сырой, — где её ожидала бесславная участь всей семейной техники.

Сколько времени провела Маруся в общении с проржавелой электрической плитой, которую отец не желал сдать на металлолом, о чём шепталась она с хлебопечкой и тостером, похороненными заживо в дальнем углу?

Но ещё сияла путеводной звездой мысль о большом доме, фундамент которого был заложен. Отец призвал на помощь дядю Толю, тот сагитировал коллег по заводу, и коллеги принялись возводить стены за некую сумму. Когда встал вопрос оплаты, отец расвирипел, как Д'Артаньян, и презрительно махнул рукой в сторону машины:

— Забирайте!

Машина стояла в несколько раз больше наработанного. Мужики забрали её сразу, не позаботившись о доверенности, без которой не могли ни ездить на несчастной Марусе, ни продать её.

Если бы в тот момент отцу пришла в голову идея покрыть деревянные стены

крышей, возможно, Варя бы могла его уважать, но идея эта его не посетила. Деревянный брус простоял несколько лет под снегом, ветром и дождём, выгнулся и прогнул. Стены пришлось снести. Маруся пропала даром.

Через некоторое время за доверенностью явились заводские мужики, но отец их прогнал, потрясая обрезом. Машину они использовать не могли, и она ещё несколько лет простояла в открытом дворе завода, удивляя всех своей судьбой и разными номерами на носу и багажнике — результатом неудавшейся продажи, когда её сняли с учёта, а потом поставили обратно, выдав номера с одной разнящейся буквой.

Любой разговор с отцом про машину заканчивался его истерикой, ни дядя Толя, ни мама не могли противостоять этому абсурду. А с Варей отец тогда не разговаривал из-за того, что она бросила универ. Три года не разговаривал, впрочем, дочь и не стремилась к общению.

Кончилось всё ещё печальнее, чем начиналось: отец выписал маме полную доверенность на имущество и представительские функции, чтобы она блюла его интересы, а он бы лежал пузом кверху. Поступил он так именно от лени, если бы предполагал, что облегчит семье жизнь, то много раз бы ещё подумал. Варя не знала, как дядя Толя договаривался с коллегами, но мама переписала машину именно на него — родственник умел не только водить, но и восстановить несчастную Марусю. Дядя Толя выступал спасителем, он разрубал гордиев узел, а потому денег от этой сделки ни маме, ни Варе не досталось, о чём мама в дальнейшем неоднократно горестно вздыхала.

Годы спустя, будучи у родственника в гостях, Варя видела эту Волгу. Обивка на сиденьях была той же, что и прежде — коричневой, в тёмный и светлый ромбик. А как выглядели акции «Норникеля», она не помнила, но всегда считала, что они были золотистыми — как несбывшееся светлое будущее.